

Азия: вызовы и перспективы

УДК 327:339(1*PK:1*RU)

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.03

Геополитические приоритеты Пакистана и фактор России: история и современность

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра исследования
Глобального Юга

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии
наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. Геополитические приоритеты Пакистана и фактор России: история и современность // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 37–64.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.03

Статья поступила в редакцию 19.07.2025.

Исправленный текст представлен 27.08.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-28-01479 «Новое “открытие” Россией Юго-Западной и Южной Азии: взаимозависимость внешнеэкономических связей и геополитики», <https://rscf.ru/project/25-28-01479/>.

АННОТАЦИЯ. В статье на основе методов сравнительного анализа оценивается состояние геополитических приоритетов Пакистана. Сопоставляется глубина степени диверсификации отношений с принципиальными союзниками этой страны – США и Китаем. Показано, как развивались двусторонние отношения Исламской Республики Пакистан с США и КНР после 1947 г. Отмечается, что отношения «условного союза» с США определяли внешнеполитический курс Пакистана с момента получения не-

зависимости до событий 11 сентября 2001 г. Автор прослеживает становление отношений «всепогодного союзничества» Пакистана и Китая и выделяет их основные причины. Продемонстрировано, как и почему КНР превращается в центрального союзника Пакистана. Прослежены основные тенденции в развитии советско-пакистанских и российско-пакистанских отношений. Обращено внимание на ограничительные факторы, мешающие развитию двусторонних отношений. Делается вывод о необходимости направляюще-

го влияния государства на расширение и углубление отношений между Москвой и Исламабадом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Пакистан, США, Китай, Россия, «условный союз», «Китайско-пакистанский экономический коридор», «всепогодное союзничество», Индия, Афганистан.*

Южная Азия остается наиболее населенным географическим регионом современного мира. Пространство, составляющее географический и историко-культурный массив «Южная Азия», согласно классификации ООН, включает в себя следующие государства: Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивская Республика, Непал, Пакистан, Шри-Ланка. На Южную Азию приходится около 10% всего земного пространства Азии и 3% всей мировой суши. В Южной Азии проживает 40% всего азиатского населения и 20% народонаселения мира. Общая численность населения Южной Азии составляет около 2 млрд человек. Около 70% из них приходится на Индию, тогда как более 240 млн человек проживает в Пакистане, который по советской традиции возглавляет группу «малых стран» Южноазиатского региона.

Обычно под Южной Азией понимается наиболее населенная страна мира Индия, с которой у Советского Союза и России развиваются отношения «стратегического союзничества», а в настоящее время – «всеобъемлющего стратегического партнерства». Отношения нашей страны с «крупнейшей демократией мира» подробно описаны. Однако трансформация мира в полицентрическое целое подталкивает российскую дипломатию к «открытию» других стран этого региона с целью расширения спектра внешних связей и укрепления позиций нашей страны в мире ближайшего будущего. Одним

из перспективных партнеров России, как представляется, становится Пакистан.

Исламская Республика Пакистан (ИРП) является неотъемлемой историко-культурной и географической частью «большой индийской цивилизации». Данное обстоятельство оказывает постоянное воздействие на поведенческую модель этого государства в региональном и мировом пространстве. Пакистанская модель геополитического поведения берет начало в августе 1947 г., когда Пакистан стал независимым государством и когда в обществе только что появившейся страны возникла экзистенциальная потребность определить место и роль этого государства в мировой политике и международных отношениях.

Индусы и мусульмане по-разному адаптировались в системе британского колониального капитализма. Выдающийся индолог Глория Кузьмич Широков образно и емко объяснял эту проблемную ситуацию студентам-индологам Московского университета в 1980-е годы: «На имперских железных дорогах машинистами были, как правило, индусы, тогда как стрелочниками служили по большей части мусульмане». Англичане искусно управляли противоречиями, возникавшими на почве «разнотемповости» социального и культурного развития основных религиозных общин Индостана – индусов и мусульман. Как полагает британский историк К. Уолмар, стратегия колониальных властей состояла в том, чтобы «поощрять мусульман и индусов к отождествлению себя с религиозной идентичностью, а не с принадлежностью к большому социуму-отечеству (Индии – А. В.); целью такой политики было ослабление давления индийцев [на колониальные власти], добивавшихся независимости» [Wolmar, 2017, p. 178]. Действительно, идейный

лидер будущей пакистанской элиты М.А. Джинна и его единомышленники всерьез опасались превращения мусульманской общины Британской Индии в зависимое сословие, подчиненное воле индусского большинства: активно формировавшейся буржуазии, разраставшегося среднего класса, квалифицированных отрядов индийских трудящихся. Современный Пакистан создавался на «идеологической» (религиозной) основе, что изначально рассматривалось как испытание на прочность для нового государства.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов считалось, что Пакистан обладает сверхвыгодным геостратегическим положением в единстве его Западной и Восточной провинций (отделенных друг от друга расстоянием в 1500 километров). Тогда в политических и академических кругах Америки, например, бытовало мнение, согласно которому «всякое государство, имевшее целью контроль [над Западной, Южной и Юго-Восточной Азией], должно быть заинтересовано в привлечении на свою сторону Пакистана. Тесное сотрудничество с Пакистаном открывало путь для влияния на политические процессы не только в Южной Азии, но и несло в себе способность воздействовать на ситуацию в зоне Персидского залива и в Юго-Восточной Азии» [Raza, 2021, p. 6–7]. Еще более категорично высказывались выдающиеся американские индологи Сьюзен и Ллойд Рудольфы: «Пакистан играет для Соединённых Штатов ту же роль, что Индия для Британской империи» [Raza, 2021, p. 8].

Мировая история после 1945 г. диктовала свою логику «граду и миру». Вышедшие из Второй мировой войны значительно окрепшими Соединённые Штаты Америки старались выстроить такую сеть/систему альянсов, которая не только поддерживала бы их преобладающее влияние в мировой

политике, но и убеждала бы потенциальных противников в вездесущности Америки, в ее способности «наказывать» отступников и сомневающихся в «непобедимости» США. В данной глобальной американской стратегии новообразованный Пакистан виделся официальному Вашингтону важным (хотя и слабым в политэкономическом отношении) союзником, способным стать несущей конструкцией внешней политики в регионах Западной Азии (с ее обильными нефтяными ресурсами), Южной Азии (одном из наиболее населенных регионов мира, где сосредоточены многочисленные конфликты национально-этнического и религиозно-общинного происхождения) и в бассейне Индийского океана, через который проходили пути доставки энергоносителей из региона Персидского залива на стратегически важные для США Японский архипелаг и Корейский полуостров. История американо-пакистанских отношений поучительна и для современной России, активно участвующей в строительстве нового полицентричного и многообразного мира.

«Условный союз» как парадигма американо-пакистанских отношений

С помощью исключительно выгодного географического положения только что родившейся страны руководство Пакистана во главе с М.А. Джинной пыталось компенсировать социально-экономические дефекты новообразованного государства за счет активной внешней политики и дипломатии «персоналистского» типа. (С самого появления Пакистана представители высшей власти этой страны настойчиво предлагали американской правящей элите свои услуги по «объединению сил

ислама против коммунизма», созданию военных баз США на территории страны, направленных своим острием против Советского Союза, высказывались о готовности выступить в качестве «клиента» Соединённых Штатов в любом региональном конфликте и т.п.) Настойчивые уведомления-напоминания руководства Пакистана о готовности обслуживать интересы Америки на Среднем Востоке и в Южной Азии проистекали также из желания нивелировать геополитическую ущербность этой страны, словно «сдавленной» с севера, юга и востока историческими «врагами» – Афганистаном и Индией.

Содержанием геополитической стратегии Америки после Второй мировой войны, как известно, было обеспечение за собой центральной роли в мировых делах посредством создания и поддержания военно-политических союзов по всему пространству ойкумены, по возможности избегая открытого столкновения с Советским Союзом. В регионе Южной Азии правящие круги США с самого начала холодной войны пытались совместить геополитические приоритеты Пакистана со своими долгосрочными интересами (противодействие Советскому Союзу, «защита нефтяных интересов» и т.д.). Пакистан органически вписывался в американский геостратегический «дизайн». При этом Пакистан не соответствовал критериям концепции «государства-клиента». Не соответствовал прежде всего потому, что элиты этого государства имели свои интересы и преследовали свои цели, не всегда совпадавшие с устремлениями правящих кругов США. Впоследствии несходство интересов обнаружило себя в установлении Пакистаном отношений «всепогодного союзничества» с Поднебесной, в стремлении обладать ядерным оружием, в использовании по своему усмотрению враждебных Америке со-

циально-политических сил в Афганистане и т.п. Можно предположить: тогда, в конце 1940-х – начале 1950-х годов, американцы не распознали «скрытую повестку» во внешнеполитическом мышлении пакистанских руководителей, с самого установления двусторонних отношений преследовавших свои специфические цели.

В официальном Вашингтоне сознавали, что Южная Азия – это значительный территориальный массив, образующий «историческую» индийскую цивилизацию и обладающий *общими* характеристиками культуры, исторической памяти, нравственных установок, экзистенциальных парадигм, общественного сознания и т.п. Этот значительный по количеству населения регион, омываемый Индийским океаном, позволял контролировать (за счет доминирования в Персидском заливе и Красном море) до 2/3 мировых запасов нефти, которые поддерживали экономический рост и развитие промышленно развитых стран Запада и Дальнего Востока. На фоне начавшегося распада Британской империи (утвердившей свое глобальное влияние за счет контроля над бассейном Индийского океана и омываемыми им территориями) своеобразную геополитическую эстафету у Англии приняли Соединённые Штаты Америки, стремившиеся воспользоваться упадком своего конкурента для реализации стратегии *неоколониализма*, исторические истоки которой восходят к деятельности 28-го президента США Вудро Вильсона. «Центральное» географическое/геополитическое положение независимого государства Пакистан (стратегическая глубина в направлении севера, запада, востока и юга) привлекало правящие круги США, хотя в Америке на первоначальном этапе «освоения» Южной Азии делали вид, что придают наибольшее значение от-

ношениям с многонаселенной Индией. Тем самым американский внешнеполитический истеблишмент стремился использовать «непримиримые» исторические противоречия между Индией и Пакистаном, возникшие с разделом Британской Индии и появлением двух независимых государств; Соединённые Штаты всецело унаследовали от Англии принципы римской имперской политики «разделяй и властвуй». Южная Азия стала одним из первых примеров ее практической апробации.

В своей политике в отношении Пакистана правящим кругам США приходилось учитывать наличие двух «антагонистических наций» с возможными зловещими последствиями непрекращающихся пограничных споров, а также энергичного и неконтролируемого демографического роста, исключительно сложного характера межгосударственных отношений в Южной Азии в целом и т.п. Геополитическое значение Пакистана для великих держав постоянно возрастало в свете усиливавшихся противоречий между сверхдержавами: Советским Союзом и Соединёнными Штатами. Тем не менее южноазиатское направление внешней политики США было институционально обособлено только в августе 1992 г. [Raza, 2021, p. 74]. Своеобразной прелюдией к качественным организационным изменениям в государственном департаменте США стал ввод советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 г., который способствовал повышению статуса американо-пакистанских отношений до уровня «стратегического союзничества». Изменение статуса Пакистана в системе приоритетов американской внешней политики имело следствием *сознательное* невнимание американцев к поискам правящими кругами Пакистана ответа на взрыв Индией ядерного устройства в «мирных целях»

в 1974 г. В этой позиции американского внешнеполитического истеблишмента присутствовала своя логика. Так, влиятельный политолог-международник Ричард Хаас, описывая круг интересов США в постбиполярном мире, в частности, отмечал: «Южная Азия важна [для Америки] не только сама по себе; этот регион обладает потенциалом оказывать влияние на развитие событий в других частях мира, чрезвычайно важных для нас» [Haas, 1990, p. 2178].

В послевоенное время содержание внешней политики США в Южной Азии состояло в том, чтобы не допустить в этом регионе «материализации» реальных геополитических соперников – как в индивидуальной, так и в коллективной форме. В общем виде генеральный замысел глобальной стратегии Америки был емко описан видным политологом-международником Дж. Миршаймером: «Центральным элементом американской внешней политики традиционно было доминирование в западном полушарии и предотвращение контроля над Европой и Северо-Восточной Азией со стороны некоей противостоящей США державы. Соединённые Штаты экзистенциально не заинтересованы в появлении равного им по силам противника». Развивая свою мысль, американский политолог отмечает, что альфой и омегой внешней политики США после распада Советского Союза стало предотвращение всеми доступными средствами появления аналогичной СССР угрозы жизненным интересам Америки [Mearsheimer, 2001, p. 64].

Однако, несмотря на все старания внешнеполитического и военного истеблишмента Америки, подобная угроза интересам США материализовалась. В Южной Азии энергичный экономический рост Поднебесной и растущее влияние Китая на международные процессы создавали потенциальную угро-

зу с трудом завоеванной «униполярности»: очевидное преимущество КНР состояло в консолидации основных социально-политических сил страны на платформе модернизации китайского общества, тогда как Америка была поглощена изнурительной борьбой с Советским Союзом. Одновременно в Южной Азии Китай начинал приобретать характеристики решающей внешнеполитической силы: на смену политике «экспансии» (включая использование «пакистанской карты» в отношениях с государствами региона) постепенно приходит расчетливая линия «конструктивного вовлечения» государств Южной Азии во внешне-экономические связи с Китаем. Страны Южной Азии, учитывая растущий экономический потенциал Поднебесной, отвечают взаимностью. КНР начинает активно сотрудничать с региональными организациями. Результатом этих и других геополитических начинаний становится постепенная эрозия американского влияния в регионе Южной Азии. Американские политологи-международники начинают с тревогой отмечать, что в Соединённых Штатах наличествуют два типа восприятия международной активности Поднебесной. С одной стороны, Китай воспринимается как формирующаяся крупная геополитическая сила, заинтересованная в том, чтобы участвовать в функционировании «международного либерального порядка». С другой стороны, КНР уже тогда рассматривается как потенциальная «ревизионистская» держава, утверждающая себя в конфликте с коллективным Западом.

Задача Америки по контролю Южной Азии значительно усложнилась в мае 1998 г., когда Индия и Пакистан официально провели ядерные испытания военной направленности. Соединённые Штаты были вынуждены действовать осторожно, избегая резких

движений. Надежным союзником Пакистана оставалась Саудовская Аравия, якобы материально поддерживавшая ядерную программу Исламской республики. Помимо этого, американский истеблишмент в своих геополитических расчетах исходил из того, что советское руководство во главе с Л.И. Брежневым в свое время вынашивало планы по овладению Ормузским проливом с целью лишения коллективного Запада возможности свободно транспортировать нефть из региона Персидского залива в Западную Европу и Японию. Не отказались американские политики и от давнего плана А. Даллеса по созданию антикоммунистического альянса с целью окружения Советского Союза на среднеазиатском направлении [Raza, 2021, p. 96–97]. В гипотетическом противодействии Советскому Союзу и в геополитическом «окружении» СССР в южной части Евразии роль Пакистана в официальном Вашингтоне в то время виделась решающей.

Американское общественное мнение изначально было более благосклонно расположено к «апостолу ненасилия» Махатме Ганди, чем к «изобретателю» теории «двух наций» М.А. Джинне. Так, президент США Г. Трумэн протокольно поздравил М.А. Джинну с образованием нового государства и формально пожелал успехов Пакистану в строительстве новой нации. Одновременно Министерство обороны США в меморандуме от 24 марта 1949 г. определило зону Карачи – Лахор как «жизненно важное» пространство для защиты стратегически важных интересов Соединённых Штатов. Американские политики были согласны с президентом Ф.Д. Рузвельтом в том, что раздел Британской Индии будет «ужасен», потому что он затруднит реализацию геополитических интересов Америки в Южной Азии. А министр обороны Дж. Форрестол полагал, что раздел Индии

(из-за своего «демонстрационного эффекта») отрицательно повлияет на позиции США в зоне арабо-израильского противостояния, а также в Египте и в Северной Африке в целом [Raza, 2021, p. 105]. Не спасали положение и уверения пакистанских официальных лиц в «необратимой» ориентации этой страны на Ближний Восток и интересы Америки. Ведь Пакистан был изначально «привязан» к США ввиду своей экономической немоги и финансовой неплатежеспособности, что в Вашингтоне отлично понимали.

Впрочем, у каждой администрации США были свои индивидуальные подходы к отношениям с Пакистаном, что придавало двусторонним отношениям характер изменчивости, чего на самом деле не было и быть не могло. Пакистанские власти постоянно подстраивались под американский внешнеполитический курс, время от времени выражая несогласие с генеральной линией США в Южной Азии. Индивидуальный подход Америки к отношениям с Пакистаном выглядел следующим образом. При администрации **Г. Трумэна** (1945–1953) Соединённые Штаты были заняты делами общего характера (послевоенным устройством мира), и их политика не предполагала глубокого вовлечения в специфические проблемы данного региона. Частично подобный «отстраненный» подход объяснялся относительно ограниченной активностью Советского Союза в Южной Азии в связи с войной на Корейском полуострове. Свое значение для сдержанности Америки в регионе имело желание правящих групп США не навредить отношениям с Индией, которая рассматривалась как более влиятельная сила, руководимая Джавахарлалом Неру, государственным деятелем международного масштаба. Администрация **Д. Эйзенхауэра** (1953–1961) работала в изме-

нившихся международных условиях, важным элементом которых стала активизация в мировой политике СССР и освободившихся стран. Д. Эйзенхауэр и его коллеги оценивали международную жизнь того времени с позиций «быстрого распространения коммунизма» и необходимости противодействия этому процессу. Новая американская парадигма мировой политики материализовалась в значительном увеличении военной помощи Пакистану и в превращении Исламской республики в опорную зону военно-политических союзов, служивших интересам Соединённых Штатов (так появились блок *СЕАТО* в 1954 г. и Багдадский пакт в 1955 г., где США, впрочем, ограничились статусом наблюдателя). Президент Д. Эйзенхауэр, видя желание пакистанских властей сосредоточиться на получении американской военной помощи, обращал их внимание на необходимость запуска процесса *развития* (то есть на создание механизмов экономического роста, опирающегося на постоянно растущую занятость населения и поступательное уменьшение диспаритетов в распределении доходов в обществе). Со своей стороны, Пакистан был вынужден осознать опасность тесных отношений с Америкой, когда самолет-разведчик *U-2*, стартовавший с военной базы в Пешаваре, был сбит над территорией СССР 1 мая 1960 г.

Новый этап пакистано-американских отношений начался при администрации президента **Дж. Кеннеди** (1961–1963), который был известен как противник военно-политических альянсов Соединённых Штатов с развивающимися странами, а в межгосударственных отношениях предпочитал «помощь развитию» и снижение социально-имущественных диспропорций в обществах освободившихся стран. Помимо этого, Дж. Кеннеди в каче-

стве стратегического партнера Америки предпочитал Индию с ее устойчивыми политическими институтами и предсказуемым характером внутреннего развития. 35-й президент США в свое время был соавтором резолюции об экономической помощи Индии, принятой Конгрессом в 1959 г. В целом политика США в отношении Южной Азии была сбалансированной. Администрация Дж. Кеннеди поддерживала высокий уровень отношений с Индией и одновременно пыталась не раздражать и не «антагонизировать» Пакистан. Во время президентской легислатуры **Л. Джонсона** (1963–1969) в американо-пакистанские отношения впервые «встраивается» фактор Китая. Формально Л. Джонсон считал «неподобающими» духу союзничества двух стран тесные отношения между Пакистаном и Поднебесной. В таком подходе присутствовало определенное двоемыслие, поскольку сами Соединённые Штаты начали неофициальные контакты с КНР в кулуарах Организации Объединённых Наций в 1966–1967 гг. [Daulet Singh, 2020]. Со своей стороны, правящие круги Пакистана, лишённые американской военной помощи во время индо-пакистанской войны 1965 г. (Индию постигла аналогичная участь), готовы были обратиться за содействием к Советскому Союзу. Во второй половине 1960-х годов пакистано-американские отношения настолько осложнились, что их стали именовать «условным союзом» (*notional alliance*).

Для **Р. Никсона**, 37-го президента США (1969–1974), внешняя политика, как полагали американцы, была родной стихией. Особенностью тогдашнего внешнеполитического положения Америки была «погруженность» в войну во Вьетнаме, унаследованная от администрации Л. Джонсона. Пакистан же рассматривался как полезный помощник в установлении прямых контактов

с Китаем. После индо-пакистанской войны 1971 г. (в которой Пакистан потерпел поражение) Поднебесная естественным образом стала частью усложненного «уравнения» геополитических сил, формировавшегося в Южной Азии и дополнительно включавшего в себя СССР и КНР. Администрация Р. Никсона молчаливо отказалась от практики «баланса сил» в Южной Азии и избрала Пакистан в качестве приоритетного партнера в данном регионе. В результате добровольной отставки Р. Никсона в Белом доме воцарилась администрация **Дж. Форда** (1974–1977). Помимо вопросов с Ближним Востоком, отношений с Москвой и Пекином, администрация Дж. Форда столкнулась с фактическим расширением «ядерного клуба»: в 1974 г. Индия произвела взрыв ядерного устройства в «мирных целях», что вызвало панику в правящих кругах Пакистана на фоне поражения Исламской республики в войне с Индией в декабре 1971 г. Поиски «ядерного ответа» на вызов Индии для Пакистана стали неизбежными. В то же время возможности США воздействовать на Пакистан оказались ограниченными. События в Южной Азии развивались с калейдоскопической быстротой. В конце 1975 г. сам премьер-министр Пакистана З.А. Бхутто «помазал» видного специалиста-атомщика А.К. Хана на пост руководителя национальной программы по обогащению урана для ядерного оружия.

Значительную эволюцию американо-пакистанские отношения претерпели при администрации **Дж. Картера** (1977–1981). В первый период своей деятельности администрация Дж. Картера следовала традиционной логике Демократической партии, согласно которой поставки вооружений развивающимся странам предосудительны. «Традиционным» выглядело предпочтение Индии Пакистану во внешней

политике США: визит премьер-министра Индии М. Десаи в Вашингтон (1977, июль) и ответный визит Дж. Картера в Индию (1978) наглядно демонстрировали политические предпочтения правящих кругов Америки в конце 1970-х годов. Однако давление американцев на Исламскую республику, преследовавшее цель отказ Пакистана от сотрудничества с Францией в сфере развития атомной энергии, имело прямо противоположный эффект: в 1979 г. в Гаване Пакистан стал членом Движения неприсоединения. События в Южной Азии продолжали развиваться стремительно. Так, ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 г. круто изменил вектор развития американо-пакистанских отношений. Прежние противоречия были забыты, и задачи борьбы с главным геополитическим соперником, Советским Союзом, стали генеральной линией политики США в отношении Пакистана. Поставки вооружений и военной техники (ВВТ) в Афганистан из США контролировались и координировались пакистанскими спецслужбами. В сущности, администрация Дж. Картера повторила логику поведения Р. Никсона и его коллег: «тема» ослабления геополитического соперника, Советского Союза, заслонила «рассуждения» о «защите прав человека» в Пакистане.

Президентская легислатура **Р. Рейгана** (1981–1989) стала «сказочным подарком» для правящих кругов Пакистана. Во внешнеполитическом и военном истеблишменте Исламской республики в то время с удовлетворением отмечали, что «пакистано-американская дружба поставлена на долгосрочную основу развития». Военно-техническое сотрудничество между двумя странами с экономических принципов функционирования было переведено на *геополитические* основания «хозяй-

ствования». Иными словами, Пакистан получил возможность закупать американские ВВТ по сниженным ценам; вскоре Исламская республика приобрела желанные истребители *F-16*. В 1986 г. Пакистан получил системы *Stinger*, способные поражать низко летящие воздушные цели (включая вертолеты). Значительная часть данных ВВТ была переправлена в Афганистан. Резко возросли объемы американской военной помощи Пакистану. Считалось, что «новая дружба» с Пакистаном помогла Америке избавиться от своеобразного «комплекса неполноценности», который оставила после себя в американском политическом сознании администрация Дж. Картера. (Этот «комплекс неполноценности» во многом был связан с Иранской революцией 1978–1979 гг., показавший миру военно-политическую ущербность США.) В целом американо-пакистанские отношения во время президентской легислатуры Р. Рейгана рассматриваются политологами как «наиболее сердечный» период в истории их развития.

На период президентства **Дж. Буша-старшего** (1989–1993) приходится остродраматические события мировой истории: кризис и распад Советского Союза, институционализация «вашингтонского консенсуса» и «униполю», превращение США в сверхдержаву, осуществляющую контроль над миром. В целом политика администрации Дж. Буша-старшего повторяла в основных чертах геополитическую линию Р. Рейгана.

Однако в этой линии появились важные нюансы. Пакистан продолжал поиски «ядерного решения», то есть искал пути получения ядерного оружия. В ответ на продолжение работ по созданию оружия массового уничтожения Пакистаном Соединённые Штаты приостановили передачу истребителей *F-16* Исламской республике. Руковод-

ство страны чувствовало, что распад Советского Союза уменьшил заинтересованность Соединённых Штатов в отношениях «стратегического союзничества» с Пакистаном. Одновременно официальный Вашингтон, помимо развития пакистанской ядерной программы, был недоволен поддержкой Исламабадом террористической деятельности в Индии и расширением своей «стратегической глубины» в Афганистане. Медленно, но верно обе страны начали возвращаться к состоянию «условного союза», тогда как Пакистан в своем стратегическом резерве уже имел «китайскую карту» и готов был ею воспользоваться.

Первоначально администрация президента **Б. Клинтона** (1993–2001) продолжала стратегию Дж. Буша-старшего на ограничение сотрудничества с Пакистаном. Такого рода внешнеполитический курс преследовал цель максимально сузить пространство Исламской республики для внешнеполитического маневра, прежде всего в Южной Азии, в условиях утверждения в международной жизни принципов «глобального либерального порядка» и его атрибутов. В частности, Соединённые Штаты были намерены ограничить «ядерные амбиции» Пакистана. Так, в 1994 г. Б. Клинтон выступил с инициативой «обменять» подвергшиеся эмбарго истребители *F-16* на разрешение американцам проверять состояние пакистанских исследований в сфере атомной энергии. Однако «ядерная проблема» уже успела переместиться в центр внутриполитической жизни Пакистана, и сама идея «обмена» была отвергнута пакистанским обществом. Словно отвечая на социальный запрос общества, 28 мая 1998 г. Пакистан провел ядерные испытания и стал фактическим участником «ядерного клуба». А Америка, казалось, окончательно выбрала Индию в качестве сво-

его главного стратегического партнера в Южной Азии.

Подводя предварительные итоги эволюции американо-пакистанских отношений до начала нынешнего века, мы можем констатировать отсутствие преемственности и стратегического планирования в их развитии. В качестве частных особенностей, сопровождавших эволюцию этих отношений, называют их незавершенный характер, асимметрию интересов партнеров, их искаженные представления друг о друге, взаимную «неконгруэнтность» (то есть невозможность найти общую систему образов общения и достижения конкретных результатов и т. п.). Иными словами, характеристика «условный союз» (*notional alliance*) является обобщенным образом межгосударственных отношений Пакистана и Соединённых Штатов Америки. Сущностью «условного союза» выступали отсутствие *целеполагания* в двусторонних отношениях и неясность их долгосрочной перспективы и логического обоснования.

По законам функционирования «условного союза» необходим был толчок, идущий от внутриполитической жизни США, который активизировал бы американо-пакистанские отношения. Таким «толчком» стали трагические события 11 сентября 2001 г. в Америке, которые вызвали глубокий шок в обществе и вскоре породили инстинкт отмщения. Южная Азия, где укрылись террористы во главе с Усамой Бен Ладеном, вновь стала «горячей точкой» мировой политики. Одновременно события 11 сентября 2001 г. имели следствием быструю перегруппировку сил в американских элитах, которые в очередной раз убедились в том, что в отношениях с миром ислама без помощи Пакистана никак не обойтись.

Американцы сознавали, что апелляция к исламу была своеобразным

камуфляжем слабости пакистанского истеблишмента, который оказывался во всё большей зависимости от исламистских групп и течений, ускоренными темпами наращивавших свое влияние в обществе Исламской республики. Правда, не все в правящих группах Пакистана помнили, что процесс исламизации общественной жизни начался раньше, в 1980-е годы, когда пакистанская власть во главе с генералом Зия-уль-Хаком легкомысленно отнеслась к нарастанию исламистских настроений в пакистанском обществе и не приняла превентивные меры против политического ислама и его распространителей. В свою очередь, в Соединённых Штатах администрация Р. Рейгана была поглощена борьбой с Советским Союзом и не обратила должного внимания на тенденции в общественной жизни Исламской республики, которые потенциально угрожали экзистенциальным интересам США. Американская печать открыто восторгалась «отвагой» моджахедов и не предполагала, что внутреннее развитие Пакистана может принять угрожающие для Вашингтона формы.

Тем временем Пакистан постепенно погружался в волну насилия на религиозной почве. Проблемы религиозно-общинного характера накладывались на противоречия на национально-этнической почве. (Эксперты уже в середине 1990-х годов также обращали внимание на то, что религиозный экстремизм быстро трансформируется в антиамериканские настроения и начинает напрямую затрагивать геополитические интересы Соединённых Штатов.) Экономический рост в Пакистане в 2001 г. замедлился до 2,7% (против 4,8% в 2000 г.). Возникли серьезные проблемы платежного баланса страны:

в августе 2001 г. золотовалютные резервы Пакистана составили всего 1,7 млрд долл. В 2000 г. дефицит платежного баланса Исламской республики составил 6,5% ВВП (при запланированном значении 4% ВВП). Внешняя задолженность Пакистана к концу июня 1999 г. составляла 64% ВВП этой страны, тогда как 60% доходов государства направлялось на обслуживание внешнего долга [Nayar, 2005, p. 254]. При активном демографическом росте стагнация подушевых доходов оборачивалась увеличением процента населения, проживающего за чертой бедности, и нарастанием социально-политического напряжения в пакистанском обществе. Можно сказать, что террористические атаки на США 11 сентября 2001 г. оказались для правящих элит Пакистана своеобразной «манной небесной».

В Америке официальным обоснованием возобновления «условного союза» с Пакистаном было желание покончить с группировкой «Аль-Каида»¹ и поддерживавшими ее силами в Афганистане. Американцы знали, что эти силы целиком зависят от помощи Пакистана и что прекращение Исламской республикой поддержки этих формирований поможет решить если не все, то многие проблемы, с которыми США столкнулись в Южной Азии. Становилось ясно, что уровень американо-пакистанских отношений напрямую зависит от объемов и эффективности военной помощи США Исламабаду, с одной стороны, и последовательности Исламабада в ликвидации террористических групп антиамериканской идейно-политической направленности как в самом Пакистане, так и на территории Афганистана – с другой.

Подводя итоги эволюции американо-пакистанских отношений за по-

1 Деятельность организации запрещена в России.

следние три четверти века, мы можем сделать следующие принципиальные выводы.

1. Роль Исламской Республики Пакистан в системе приоритетов внешней политики США в конечном счете определялась «общим дизайном» американской геополитической стратегии. Внешнеполитическая стратегия Америки в Южной Азии заимствовала основные принципы британской имперской политики «разделяй и властвуй»; в эту стратегию в духе «веяний времени» были интегрированы такие принципы, как «продвижение демократии», «свобода слова», «права человека» и т.п. Данные принципы имели факультативный характер и изымались американцами по мере геополитической необходимости. Такого рода практика отражала содержание «условного союза».

2. События 11 сентября 2001 г. имели следствием качественные изменения американской политики в отношении Исламской республики и значительно повысили статус Пакистана в региональной политике.

3. Государственная линия США в отношении Исламской республики после террористических актов 11 сентября 2001 г. сводилась к рассуждениям об экзистенциальных интересах Соединённых Штатов и важной роли Пакистана в их реализации. Американские элиты, сосредоточившие свою энергию на противодействии международному терроризму, видимо, не придали надлежащего значения быстрому росту антиамериканских настроений в Пакистане и геополитическим интересам США в Южной Азии.

4. Доминирующая роль тем безопасности и военно-технического сотрудничества фактически исключила из повестки двусторонних отношений

помощь США экономическому росту и развитию Пакистана. Отсутствие «повестки развития» в отношениях Америки и Пакистана делало неустойчивой всю архитектуру двусторонних отношений, придавало их развитию труднопрогнозируемый характер.

Вывод американских войск из Афганистана в конце лета 2021 г. подвел итог отношениям стратегического партнерства между Вашингтоном и Исламабадом; не произошел драматический разрыв важных связей, а имело место постепенное снижение заинтересованности Америки в Пакистане как в «незаменимом союзнике» в макрорегионе Южная Азия – Средний Восток. Данная тенденция, как полагают аналитики, продолжится и при администрации Д. Трампа².

Налицо была необходимость смены внешнеполитической парадигмы Пакистана. Новым «всеобъемлющим» геополитическим партнером Исламской республики стал Китай. История пакистано-китайских отношений, их сложная эволюция определенно интересна России, поскольку сама эта история демонстрирует эффективную стратегию получения максимально возможных результатов в «турбулентной» системе международных отношений, в которой постоянно пребывает Южная Азия со времени окончания Второй мировой войны.

Пакистан и Китай: поиски парадигмы «всепогодного союзничества»

Как представляется, Китай почувствовал себя истинно мировой державой после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Глобальный финансово-эко-

2 Afzal M. The New, and Low, Normal in US-Pakistan Relations // Lawfare. – 2025. – January 19. – URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/the-new--and-low--normal-in-u.s.-pakistan-relations> (дата обращения: 20.08.2025).

номический кризис 2008–2009 гг. продемонстрировал миру неумение Соединённых Штатов и коллективного Запада в целом осуществлять контроль над мировой экономикой и мировыми финансами. «Глобальное управление» по-американски, образно говоря, приказало долго жить. Обращение Международного валютного фонда к Поднебесной и нефтяным монархиям Персидского залива за финансовой поддержкой для реализации программ помощи странам Мирового большинства заставило человечество по-новому взглянуть на эффективность «западной модели развития». В то время, оценивая новую ситуацию в мире, академик Н.А. Симония писал: окончательную «точку в процессе развенчания западной, особенно американской, модели капитализма поставил кризис 2007–2009 гг. (американцы датируют начало кризиса 2007 г. – А. В.). До кризиса у многих политиков и интеллектуалов в Азии всё ещё теплилась вера в то, что, несмотря на, как им казалось, отдельные промахи, западная экономическая теория и практика были лучшими в мире. Но <...> кризис и глобальная рецессия заставили многих азиатов поставить под вопрос западную компетентность» [Симония, 2011, с. 25].

Поведение Соединённых Штатов и их союзников во время мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. имело следствием соответствующую реакцию в различных уголках мира, и Южная Азия не стала исключением. Тем более что здоровый скепсис в отношении Соединённых Штатов уже посещал пакистанские элиты. Китай, напротив, оставался своеобразным «островом спокойствия» среди непрекращающейся «турбулентности» мировой экономики. В Исламабаде, возможно, вспомнили историю пакистано-китайских отношений. Со времени установления дипломати-

ческих отношений в 1950 г. Пакистан и Китай поддерживают высокоинтенсивные, долгосрочные и взаимовыгодные связи, часто характеризующиеся как «всепогодное партнерство/союзничество». Пакистано-китайское сотрудничество характеризуется плотностью политических, стратегических и экономических связей; обе страны рассматривают друг друга как «жизненно важных союзников». Китай и Пакистан воспринимают друг друга как «незаменимых» партнеров в международной жизни как на региональном, так и на глобальном уровне. КНР является основным внешнеторговым партнером Пакистана и наиболее крупным инвестором в народное хозяйство Исламской республики. Поднебесная на 70% обеспечивает Пакистан ВВТ и технологиями военного назначения. В свою очередь, Пакистан твердо поддерживает Китай по «узловым» проблемам мировой политики, включая линию Пекина в отношении острова Тайвань, Синьцзяна и Тибета.

Правящим кругам Пакистана определенно помогает начавшийся четверть века назад индо-американский «стратегический диалог». Регулярно и в «требуемой» геополитической перспективе подаваемый в «большой» пакистанской (англоязычной) прессе, этот процесс объективно сближает две страны и уплотняет отношения «всеобъемлющего стратегического партнерства» между Исламабадом и Пекином. Устойчивость отношениям «всепогодного союзничества» придает и «субъективный фактор» пакистанской истории и политики: элита Исламской республики рассматривает партнерство с Китаем как некую гарантию собственной безопасности и сохранения своей страны. «Первая четверть XXI века, – полагает специалист по проблеме двусторонних отношений Н.А. Замараева, – это годы последовательных действий Пакистана,

направленных на изменение стратегических приоритетов в его внешней политике и, как следствие, на смену стратегического союзника с США на нового партнера – Китай. <...> Ценность двустороннего стратегического партнерства и Китай, и Пакистан определяют через призму своих государственных интересов. Исламабад рассчитывает на инвестиционные возможности <...> и поддержку Пекина на международной арене. Китай же – на укрепление его позиции в мусульманском мире, при этом рассматривая территорию Пакистана как торгово-логистический мост на Ближний Восток, в Центральную Азию и Западную Европу» [Замараева, 2020, с. 228–229].

Понятно, что в пакистано-китайских отношениях системообразующее значение имеет военно-техническое сотрудничество (ВТС). Кооперационные связи в сфере производства вооружений и военной техники (ВВТ) имеют длительный и диверсифицированный характер. По мнению западных военных специалистов, сотрудничество в сфере ВТС с Поднебесной помогло Пакистану добиться «боевой ничьей» в недавнем вооруженном конфликте с Индией (24 апреля – 10 мая 2025 г.).

В пакистано-китайских отношениях экономические аспекты «всепогодного союзничества» практически неотделимы от геополитических измерений двусторонних связей. Наглядным примером могут служить стратегическая инициатива «Один пояс – один путь» и концепция «Морской шелковый путь», в которых Исламской республике придается исключительное значение «стратегического узла», связующего основные направления геополитической активности Китая. В намерениях Пекина в отношении Исламабада ясно просматриваются две основные цели: 1) расширение контроля КНР над сфе-

рами внешней и внутренней политики Пакистана, который объективно превращается в «жизненно важный узел» региональной (южноазиатской) геополитической стратегии Поднебесной, и 2) укрепление основ геополитического положения Пакистана в Южной Азии за счет помощи Китаю в диверсификации путей доставки энергоносителей на Дальний Восток (альтернатива Малаккскому проливу), а также содействия в борьбе против религиозно-политического экстремизма, непосредственно угрожающего Синьцзян-Уйгурскому автономному району Китая [Rossi, 2025].

Пакистан был первым мусульманским государством (и третьей несоциалистической страной), признавшим КНР. Этот шаг был продиктован желанием Карачи (тогдашней столицы Исламской республики) защитить себя от «исторически враждебной» Индии (протяженность государственной границы между Индией и Пакистаном составляла 2912 километров, включая «линию размежевания» в Кашмире) и стремлением ускорить промышленное развитие Исламской республики за счет укрепления внешне-экономических связей с Поднебесной. Значительным событием в истории двусторонних отношений стала передача в 1963 г. части региона Каракорум Китаю в обмен на признание суверенитета Пакистана над другими приграничными территориями. Одним из последствий данного события стала передача Китаем ВВТ Пакистану во время Второй кашмирской войны (1965 г.) на сумму 250 млн долл. (в тогдашних ценах) [Rossi, 2025].

«Стратегический союз» Пекина и Исламабада в 1986 г. распространился на сотрудничество в области атомной энергии. Тогда стороны подписали соглашение о сотрудничестве в данной сфере, которое позволило Пакистану

получить технологии, которые были использованы при проведении ядерных испытаний в 1998 г. Одновременно КНР усилила экономическую составляющую двусторонних отношений с Исламской республикой; одним из долгосрочных двусторонних проектов стала модернизация Каракорумского шоссе, соединяющего Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР с северным Пакистаном. Содержание двусторонних отношений расширилось с запуском проекта «Китайско-Пакистанский экономический коридор», важного компонента геополитической концепции «Один пояс – один путь».

С утверждением Си Цзиньпина руководителем компартии Китая ускоряется процесс «интенсивной стратегической и экономической интеграции» двух экономик. Начало строительства «Китайско-пакистанского экономического коридора» рассматривается в Пекине как мощный импульс для развития стратегической инициативы «Один пояс – один путь». Будучи частью этой инициативы, «коридор» получает пакет инвестиций в сумме 62 млрд долл. При этом обозначены две основные цели данного проекта. Во-первых, Китай сознательно соглашается на усиление финансовой зависимости Исламабада от Пекина во имя долгосрочных геополитических замыслов Поднебесной. Так, в 2024 г. внешний долг Исламской республики достиг 124 млрд долл.; из них почти 30 млрд долл. приходятся на КНР. Во-вторых, Китай особо заинтересован в контроле над такими отраслями народного хозяйства Пакистана, как инфраструктура и энергетика. «Специальной» задачей Поднебесной становится уплотнение связей экономики Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР с Аравийским морем. В данном случае связующим звеном выступает пакистанский порт

Гвадар (провинция Белуджистан). Геополитический смысл «коридора» заключается в создании дееспособной альтернативы Малаккскому проливу, через который осуществляется 80% объема перевозок сырой нефти из Западной Азии на Дальний Восток [Володин, 2012].

В сфере сотрудничества в области инфраструктуры серьезная роль отводится особой экономической зоне «Гвадар», в развитие которой предполагается инвестировать 2 млрд долл. Идея особой экономической зоны включает в себя модернизацию Каракорумского шоссе и пакистанского железнодорожного «коридора», который будет пропускать поезда, курсирующие со скоростью до 160 км/час. Стоимость проекта оценивается в 6,8 млрд долл., из которых Пакистаном будет финансироваться 15% от общей суммы инвестиций.

Кооперация двух стран в сфере энергетики предполагает прямые иностранные инвестиции Китая в экономику Исламской республики в объеме 28 млрд долл. Развитие атомной энергетики Пакистана включает, в частности, строительство с помощью КНР АЭС третьего поколения. С помощью КНР была построена атомная электростанция в Чашме (север Пакистана). Проект, заверченный в 2022 г., обошелся Китаю в 6,5 млрд долл. (общая стоимость строительства составила 9,59 млрд долл.).

Важным направлением двусторонних отношений является военнотехническое сотрудничество. Во-первых, ВТС предполагает передачу Исламской республике высокотехнологичных вооружений и военной техники, включая восемь дизель-электрических подводных лодок класса «Юань», четыре фрегата типа 054A и ракетные системы *HQ-16A* «земля – воздух»; также двустороннее сотрудничество включает в себя совместное производство

истребителей *JF-17* и ракет, способных нести ядерные заряды. Во-вторых, индийско-пакистанское сотрудничество предполагает борьбу с терроризмом, включая поимку злоумышленников из «Исламского движения Восточного Туркестана», действующих с пакистанской территории. В-третьих, военно-техническое сотрудничество двух стран имеет особый пункт об использовании Военно-Морским флотом КНР порта Гвадар [Володин, 2012], что дает Пекину два важных стратегических преимущества: 1) Китай получает «короткий» доступ к Ормузскому проливу, через который проходит 20% мирового объема перевозок сырой нефти, 2) как следствие, ВМФ Китая расширит свое присутствие в западной акватории Индийского океана, включая Африканский рог/полуостров Сомали. Имея военно-морскую базу в Джибути, Китай получает возможность контролировать важные линии коммуникации в макро-регионе Западная Азия – Северо-Восточная Африка.

Быстро растущий внешнеторговый оборот двух стран, в 2024 г. достигший размера 23,1 млрд долл. (профицит Китая составил 17 млрд долл.), побуждает некоторых западных аналитиков предполагать, что Исламская республика трансформируется в «стратегического вассала» Поднебесной [Rossi, 2025].

Двусторонние отношения имеют солидную институциональную основу для развития. В июле 2007 г. вступило в силу Соглашение о свободной торговле между Китаем и Пакистаном (*China-Pakistan Free Trade Agreement*). В декабре 2019 г. был подписан двусторонний Протокол, имеющий целью увеличение объема не облагаемых тарифами товаров с 35 до 75% от общей суммы внешнеторговых обменов

и сокращение тарифов на оставшиеся товары еще на 20%. Новые правила, вступившие в силу 1 января 2020 г., устраняют тарифы на продукцию, составляющую 5% от общей суммы товарооборота. Эти изменения еще больше активизируют двустороннее движение товаров, что особенно ценно для экономики Пакистана³.

Есть в отношениях «всепогодного партнерства» и тревожащие обе стороны обстоятельства. Речь идет о нападениях политических радикалов-исламистов на китайских граждан, работающих в Пакистане по контракту (их более 20 тыс. человек) [Володин, 2012; Chatterjee Miller, 2022]. Китай с пониманием относится к проблемам властей Пакистана, не обладающих полным контролем над территорией страны, и пытается связать активность исламистов, направленную на дестабилизацию Синьцзян-Уйгурского автономного района, вовлечением потенциальных террористов в социально-экономические процессы на территории Пакистана. Определенную роль в подавлении террористической деятельности и сепаратистских тенденций имеет и строительство «Китайско-пакистанского экономического коридора». Поднебесная заинтересована как в безопасности своих граждан, работающих в провинции Белуджистан, так и в укреплении вооруженных сил Пакистана, чья эффективность в ходе последнего пограничного конфликта с Индией, как утверждают местные журналисты, должна отрезвляюще подействовать на сепаратистов и их покровителей. Для Китая сотрудничество с Пакистаном в сфере ВТС – это возможность продемонстрировать военную технику КНР и ее характеристики, подействовать на потенциальных по-

3 China-Pakistan Trade, Investment, and Strategic Partnership // China Briefing. – 2025. – March 24. – URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-pakistan-relations-trade-investment-strategy/> (дата обращения: 04.08.2025).

купателей, размышляющих о приобретении ВВТ на Западе⁴.

Отметим, что в пакистано-китайских отношениях властно и незримо присутствует тень «крупнейшей демократии мира», Индии. В индийском истеблишменте прочно укоренилась точка зрения о стремлении Поднебесной с помощью Пакистана «изолировать» Индию в Южной Азии и ограничить геополитический потенциал «крупнейшей демократии мира». Однако набирает силу и сторонников более нюансированный взгляд на проблемы Южной Азии, в частности на проблемы и перспективы индийско-китайских отношений. Авторы такого рода работ исходят из того, что противоборство «Слона» и «Дракона» в нынешнем диверсифицирующемся мире лишено смысла, тогда как сотрудничество в интересах обоих государств сулит конкретные экономические и геополитические выгоды двум наиболее населенным странам мира [Daulet Singh, 2020]. Тем не менее эта тенденция пробивает себе дорогу с трудом: слишком тяжел груз исторической памяти индийского общества – как элит, так и широких народных масс.

При всей сложности индо-пакистанских отношений «крупнейшая демократия мира» заинтересована во внутривластной устойчивости пакистанского общества. Аналогичным образом мыслят в Пекине, а также в столицах государств Южной и Центральной Азии. Пакистан является ядерной державой, и от предсказуемости внешней политики Исламабада без преувеличения зависит спокойствие в макрорегионе Южная Азия – Центральная Азия. К слову, Пакистан располагает внушительным арсеналом ядерного оружия (от 80 до

100 боезарядов, по оценкам западных военных экспертов) [Володин, 2012].

Представляется, что Китай, экзистенциально заинтересованный как в ненасильственном подавлении сепаратистских тенденций в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, так и в беспрепятственном доступе в Индийский океан (через «Китайско-пакистанский экономический коридор»), рассматривает двусторонние отношения с Исламской республикой как жизненно важные и к тому же имеющие долгосрочный, стратегический характер. В то же время Соединённые Штаты после ухода из Афганистана утратили значительную часть своего влияния в Пакистане, уступив «пальму первенства» Поднебесной. Возвращение в Белый дом Д. Трампа, выступающего за ограничение военно-политических обязательств Америки за рубежом, еще более расширило поле для геополитического маневра Поднебесной в отношении Пакистана и стран Центральной Азии. Однако на повестке дня остается важный вопрос практического свойства: насколько продолжительно и в каких масштабах Исламская республика может рассчитывать на «щедрость» КНР в удовлетворении постоянно растущих запросов Пакистана?

Россия и Пакистан: трудная дорога к взаимопониманию

Советско-пакистанские, а затем и российско-пакистанские отношения прошли трудный путь развития, отмеченный как периодами разрядки и сотрудничества, так и годами напряженности. Начавшись с установления дипломатических отношений в 1948 г., двусторонние связи развивались по сложной траектории, в которой че-

4 74 years of China-Pakistan relations: A historical overview // The Express Tribune. – 2025. – May 20. – URL: <https://tribune.com.pk/story/2546887/74-years-of-china-pakistan-relations-a-historical-overview> (дата обращения: 07.08.2025).

редовались подъемы и спады. Как уже отмечалось, образование государства Пакистан не обещало дружественных отношений СССР и Исламской республики. Слишком враждебным был геополитический климат послевоенного мирового времени для развития двусторонних отношений. Слишком бескомпромиссной была критика «безбожного» Советского Союза со стороны элит новообразованного государства. Однако игнорировать важное географическое место Исламской республики на политической карте мира советской дипломатии было непозволительно. «Соседство с двумя материковыми гигантами (СССР и КНР – А. В.) придавало немалое геополитическое значение Пакистану, – читаем в коллективной монографии «Южная Азия в мировой политике». – Существенным также было географическое расположение Пакистана <...> примерно посередине между Ближним Востоком и Индокитаем как между двумя зонами раскола и кризиса («осколочными поясами») мирового геополитического пространства послевоенного времени» [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003, с. 72].

Основные вехи российско-пакистанских отношений выглядят следующим образом. Установление дипломатических отношений между СССР и Пакистаном и соглашение об учреждении представительств в ранге посольств состоялось 1 мая 1948 г. Вскоре столицу Пакистана – на тот момент г. Карачи – посетила представительная советская делегация. Целью ее визита стало налаживание торговых отношений между двумя странами. В первые годы после обретения Пакистаном независимости Советский Союз поставил в страну несколько десятков тысяч тонн продовольственного зерна в качестве гуманитарной помощи. В 1949 г. в Москву прибыл первый посол Пакистана Шуэб Куреши. В начале следующего года пер-

вым главой советского посольства в Карачи был назначен А.Г. Стеценко.

В 1960–1970-е годы двусторонние отношения развивались особенно динамично. В 1961 г. было подписано Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в поисках нефти и газа с одновременным предоставлением со стороны Москвы крупных кредитов на льготных условиях. Значение этого соглашения для Пакистана обуславливалось, помимо прочего, тем, что СССР не арендовал земли, на которых проводилась разведка, и не претендовал на энергоносители, обнаруженные в ходе геологоразведочных работ. Кроме того, Советская Страна взяла на себя обязательство подготовить в СССР национальные кадры геологов, что и было выполнено [Каменев, 2006]. Во время проведения работ было открыто два нефтяных и пять газовых месторождений.

В октябре 1963 г. была создана Пакистано-советская культурная ассоциация содействия дальнейшему развитию связей в данной сфере между двумя государствами, что имело продолжение, когда в июне 1964 г. было подписано соглашение о культурном и научном сотрудничестве. В январе 1965 г. было заключено соглашение между ТАСС и государственным агентством *Associated Press of Pakistan* об обмене информацией, а еще через год в СССР было учреждено Общество советско-пакистанских культурных связей.

В середине 1970-х годов при активном содействии со стороны СССР началось строительство крупнейшего в Пакистане Карачинского металлургического завода (КМЗ). На строительство этого предприятия, оснащенного советским оборудованием, трудились сотни советских специалистов. Долгое время КМЗ оставался одним из ведущих промышленных предприятий страны и символом российско-пакистанского сотрудничества [Белокреницкий, 2024].

Годы присутствия Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979–1989) стали периодом серьезного охлаждения советско-пакистанских отношений. Стороны занимали разные, подчас противоположные позиции в вопросе афганского урегулирования. После вывода частей советской армии начинается период последовательного восстановления связей между странами.

20 января 1992 г. Исламская Республика Пакистан признала Российскую Федерацию в качестве «правопродолжателя» Советского Союза. В 1990-е годы осуществлялось совершенствование договорной базы двусторонних отношений. Значимым событием стало подписание в 1997 г. Консультской конвенции между Российской Федерацией и Исламской Республикой Пакистан. Закрепленные в этом документе принципы значительно упростили контакты между гражданами двух государств. Тогда же стороны заключили Соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки, образования. В 1999 г. в ходе визита в Москву премьер-министра Пакистана Н. Шарифа было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, ставшее основой пакистано-российского взаимодействия в этой области [Белокреницкий, 2024].

С 2001 г., после присоединения Пакистана к международной антитеррористической коалиции, российско-пакистанские отношения вступили в период особенно динамичного развития. Значительно возросла интенсивность двусторонних контактов на высшем и высоком уровне.

Дважды, в 2003 и 2009 гг., Россию посетил президент Пакистана П. Мушарраф. В мае 2011 г. состоялся визит в Россию Президента Исламской республики

А.А. Зардари. Визит главы внешнеполитического ведомства ИРП Х.Р. Кхар в Москву в феврале 2012 г. и ответный визит Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в Исламабад в октябре того же года придали дополнительный импульс развитию взаимовыгодного партнерства. Успешно развивались контакты между парламентами двух стран: в феврале 2013 г. Исламабад посетила председатель Совета Федерации России В.И. Матвиенко, в апреле 2014 г. ответный визит в Москву совершил спикер пакистанского Сената С. Бухари.

Россия и Пакистан активно сотрудничают в сфере противодействия терроризму, борьбы с наркоугрозой, в региональных энергетических проектах. Крупные российские компании рассчитывают принять участие в объявленной пакистанским правительством широкомасштабной программе приватизации.

Москва и Исламабад наладили продуктивное взаимодействие и в многосторонних организациях благодаря близким позициям по широкому кругу международных проблем, включая вопросы мирного урегулирования конфликтов, становления многополюсного миропорядка, усиления центральной роли ООН в мировой политике, утверждения принципов международного права в отношениях между государствами. Кроме того, Россия поддерживала стремление Пакистана обрести полноправное членство в ШОС. Наконец, сегодня на повестке дня – расширение товарооборота и активизация экономического сотрудничества. Это позволит в полной мере реализовать огромный потенциал двусторонних отношений на благо народов России и Пакистана⁵.

5 Россия – Пакистан: общая информация // МИД России. – URL: <https://pakistan.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/> (дата обращения: 05.07.2025).

Долгое время мы смотрели на советско-пакистанские отношения сквозь призму идеологических противоречий холодной войны, в чем были свои резоны. Пакистан рассматривался нами как несамостоятельный игрок в сфере мировой политики, действия которого всецело определяли Соединённые Штаты и императивы их государственного курса. Подобный подход в целом был правильным, однако нюансы во внешней политике Исламской республики долгое время имели для советской дипломатии второстепенное значение. В то же время Пакистан, находясь в тенетах западного мира, на определенных направлениях внешнеполитической деятельности иногда проявлял самостоятельность, которая отвечала его геополитическим интересам. Представляется, что к нюансам поведения Исламской республики стоит присмотреться внимательнее, ибо «детали» имеют непосредственное отношение и к советско-пакистанским, и к российско-пакистанским отношениям.

Сознавая политэкономическую уязвимость и испытывая постоянное давление со стороны «исторического» соперника Индии (и отчасти Афганистана), правящие элиты Пакистана в качестве краеугольного основания внешнеполитической доктрины Исламской республики приняли идею «оборонительного реализма». Будучи не в состоянии самостоятельно справиться с внешними вызовами национальной безопасности, пакистанский внешнеполитический истеблишмент был поставлен в ситуацию выбора модели поведения во внешнем мире. Формулирование мирополитической парадигмы для Пакистана предполагало необходимость выбора из *четырех* геополитических установок, как то: 1) сохранение нейтралитета; 2) союз с государствами мусульманского мира; 3) вступление в «советский блок»;

4) присоединение к «американскому блоку» [Khan, 2019, p. 92]. Выбор пакистанских элит в пользу стратегического союза с Соединёнными Штатами («американским лагерем»), как представляется, диктовался, во-первых, плотной консолидацией политически активной части общества Исламской республики на платформе противостояния «захватнической» политике Индии (прежде всего в отношении Кашмира); во-вторых, категорическим неприятием элитой Пакистана «принципов атеизма», якобы практиковавшихся в Советском Союзе; в-третьих, надеждой новообразованного государства на значительную экономическую помощь, военное содействие и доступ к современным технологиям для противостояния Индии. К тому же вступление Пакистана в блок *CEATO* (январь 1955 г.) стало четким сигналом официальной Москве для стратегического выбора в пользу Индии в регионе Южной Азии (визит советских руководителей Н.А. Булганина и Н.С. Хрущёва в Индию в ноябре 1955 г.). Видный отечественный индолог Э.Н. Комаров не без эмоций описывал это «триумфальное» событие: «Впервые руководители великой державы не только посетили Индию, но и ездили по стране, выступали на массовых митингах. Уже само по себе это было внове и привлекало исключительное внимание, да и дружественные чувства и интерес к советской стране, издавна жившие в индийском национальном движении, сыграли свою роль, когда представилась возможность увидеть воочию и услышать руководителей этой совершенно особой страны мира» [Комаров, 1998, с. 169].

Распад биполярного мира положил начало «свободной геометрии» международных отношений – типу внешних связей, формировавшихся не на основе идеологических предписаний холодной войны, а на базе общих,

прагматически понимаемых интересов. Для России и Пакистана наступило время поиска экономической и геополитической основы для новых отношений на принципах взаимной выгоды. Так, в 2002 г. президент Исламской республики П. Мушарраф нанес визит в Москву, первый после поездки в Советский Союз премьер-министра Пакистана З.А. Бхутто тридцатью годами ранее. Оба визита преследовали цель – развитие двустороннего сотрудничества в экономике и культуре, а равно и в поиске точек соприкосновения в улучшении региональной ситуации в Южной Азии.

Пакистано-российские отношения начали развиваться по восходящей траектории. В 2007 г. премьер-министр правительства России М.Е. Фрадков совершил трехдневный официальный визит в Пакистан; состоялись встречи с президентом и главой правительства Исламской республики. В те дни пакистанская пресса отмечала, что двусторонние дискуссии отличались «глубиной и нацеленностью на решение конкретных проблем пакистано-российских отношений». Российская Сторона одобрила желание Исламской республики стать полноправным членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Последующее развитие событий имело следствием отмену взаимных ограничений, существовавших в годы холодной войны. Однако развитие двусторонних отношений имело *неспециальный* характер, оно напоминало «обмен любезностями» в сфере дипломатии. Так, в 2014 г. Россия отменила эмбарго на военно-техническое сотрудничество с Пакистаном, существовавшее в советский период. В свою очередь, Пакистан в 2016 г. открыл России доступ в Индийский океан, разрешив пользоваться глубоководным портом Гвадар. Ответной «любезностью» стало согласие России на полноправное уча-

стие Исламской республики в деятельности ШОС. Сдвинулось с «мертвой точки» и военно-техническое сотрудничество. В 2015 г. Российская Сторона согласилась продать Пакистану четыре вертолета Ми-35М. В том же году было заключено соглашение об экспорте в Пакистан двигателей РД-93 для их последующей установки на самолеты JF-17 совместного пакистано-китайского производства. Также было положено начало совместным проектам в сфере энергетики и модернизации пакистанских предприятий [Khan, 2019, р. 94–96].

Серьезное значение в Исламской республике придают возможному участию России в работе «китайско-пакистанского экономического коридора». В Исламабаде полагают, что участие России в функционировании данного «коридора» определенно усилит значение порта Гвадар для развития экономики нашей страны. Пакистанские власти исходят из того, что порт Гвадар мог бы связать экономики России и стран Центральной Азии с хозяйственной системой Пакистана, повысить темпы экономического роста в Исламской республике и уплотнить экономические связи в макрорегионе Центральная Азия – Южная Азия с неизменным участием России. Рассчитывают в Исламабаде и на передачу Пакистану необходимых технологий для производства атомной энергии в мирных целях.

В связи с этим пакистанские авторы отмечают, что квинтэссенцией внешней политики Исламской республики являются дружественные отношения со всеми мировыми державами, включая Россию. Однако в подходе к России доминирует осторожность, намерение не навредить отношениям с давними союзниками, прежде всего Америкой и Китаем. Иными словами, перед нами подновленная версия концепции «ус-

ловного союза», только низкой интенсивности. Пакистанские специалисты при этом отмечают, что концепция развития отношений с Исламской республикой у России пока не выработана, тогда как сильное тормозящее влияние на политику Москвы в отношении Исламабада оказывает «индийский фактор». Поэтому двум странам стоит сосредоточить внимание на развитии конкретных направлений сотрудничества: внешнеэкономических связях, взаимной торговле, кооперации в сфере образования, совместного создания «прогрессивных» технологий, совершенствования инфраструктуры с помощью России, «содействия развитию». Отмечается, что важную вспомогательную роль в развитии пакистано-российского сотрудничества мог бы сыграть «всепогодный союзник» – Китай [Khan, 2019, p. 100–102].

За развитием российско-пакистанских отношений с пристальным вниманием наблюдают в Дели. Индийские эксперты отмечают: нынешняя динамика пакистано-российских отношений в конечном счете определяется двумя основными обстоятельствами: 1) качественными сдвигами в конфигурации мировой системы и 2) естественным продолжением тенденций, сформировавшихся в предыдущий период. 15–16 октября 2024 г. состоялась встреча председателя правительства России М.В. Мишустина и премьер-министра Пакистана Ш. Шарифа. Переговоры прошли «на полях» 23-го заседания Совета глав правительств государств – членов ШОС. В ходе встреч в Исламабаде М.В. Мишустин отметил особую важность развития экономического сотрудничества между государствами – членами ШОС, нацеленного на реализацию инициа-

тивы президента России о создании Большого евразийского партнерства. Отметим, что в ходе переговоров глава правительства России характеризовал двусторонние отношения как основанные «на принципах дружбы, взаимного уважения интересов друг друга». В ходе переговоров звучала идея о необходимости запуска «новых перспективных проектов в энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, строительстве инфраструктуры и логистике, транспортной сфере»⁶.

Аналитики в Индии полагают, что нынешнее потепление в пакистано-российских отношениях связано с разочарованием Москвы в отношениях с коллективным Западом. Так, Пакистан стал одним из основных направлений «новой восточной политики» России. Конкретными причинами «оттепели» в двусторонних отношениях стали следующие обстоятельства. Во-первых, более глубокое, чем прежде, вовлечение Поднебесной в экономические и социально-политические процессы в Южной Азии. Так, Пекин рассматривает «Китайско-пакистанский экономический коридор» как часть общего замысла стратегической инициативы «Один пояс – один путь». Во-вторых, институционализация концепции «неограниченного партнерства» России и Китая, «всепогодного союзника» Пакистана, естественным образом сформировала стратегический «треугольник» Москва – Пекин – Исламабад, который теоретически может придавать ускорение экономическому сотрудничеству двух стран. В-третьих, углубление «стратегического диалога» Дели и Вашингтона, который, как полагают в Поднебесной, имеет целью сдерживание геополитической активности КНР, повышает значение России

6 Встреча Михаила Мишустина с Премьер-министром Пакистана Шехбазом Шарифом // Правительство России. – 2024. – 16 октября. – URL: <http://government.ru/news/53006/> (дата обращения: 12.07.2025).

и Пакистана в вытеснении Америки из Азии. Вышеперечисленные факторы создали основу для переформатирования всей системы отношений между Россией и Пакистаном, а вступление Исламской республики в Шанхайскую организацию сотрудничества «выстроило» платформу для взаимодействия Москвы и Исламабада по широкому кругу вопросов международной повестки [Singh, 2024].

Одним из таких вопросов является борьба с терроризмом. Вывод американских войск из Афганистана в конце лета 2021 г. оказался болезненным для Исламской республики. Так, в 2024 г. имел место всплеск террористической активности в Пакистане; эта активность возросла на 40% по сравнению с 2023 г. Пакистанские эксперты полагают, что террористы действуют с территории соседнего Афганистана и их активность грозит распространиться на другие страны Южной Азии. Террористическая деятельность уже оказывает негативное влияние на поток прямых иностранных инвестиций в Исламскую республику, наносит ущерб международной репутации Пакистана [Munir, 2025]. В свою очередь, Россия жизненно заинтересована в политической устойчивости обществ Центральной Азии и ее государственных институтов. Думается, пересечение экзистенциальных интересов может стать дополнительным фактором уплотнения и улучшения отношений России и Пакистана.

Сотрудничество Российской Федерации и Исламской республики активизировалось с началом специальной военной операции, так как Пакистан почувствовал себя «свободным игроком» в условиях сосредоточенности коллективного Запада на конфликте на постсоветском пространстве. Однако у развития российско-пакистанских отношений сохраняется существенный

ограничитель. Суть в том, что в отношениях между Исламабадом и Москвой незримо присутствует геополитический «пятиугольник», включающий в себя Россию, Америку, Китай, Индию и Пакистан, внутри которого складываются отношения многосторонней зависимости с вытекающими из нее взаимными ограничениями. Наличие этого стратегического *пятиугольника* заведомо ограничивает автономию пространства пакистано-российских отношений сотрудничеством в таких областях, как промышленность, энергетика, продовольственная безопасность, борьба с терроризмом. Наконец, значительное влияние на отношения Исламабада и Москвы оказывает фактор Индии. Министр иностранных дел «крупнейшей демократии мира» С. Джайшанкар афористично сформулировал суть этого фактора: «Российско-индийские отношения – это единственная константа современного мира». Отказавшись от участия в кампании Запада по изоляции России, Дели тем самым дал понять Москве, что ожидает от России «взаимности» при выстраивании отношений с ближним зарубежьем Индии, то есть со странами Южной Азии.

В настоящее время в позицию официальной Москвы в отношении стратегического «треугольника» Москва – Исламабад – Дели внесены некоторые коррективы. Так, Россия старается поддерживать равновесие в геополитическом подходе к Индии и Пакистану, стремясь снизить напряженность в Южной Азии в целом, а не занимать чью-либо сторону в межгосударственных конфликтах. Если Советский Союз поддерживал Индию, особенно во время войны 1971 г., то Россия сегодня старается укрепить региональную стабильность, используя такие геополитические «инструменты», как Шанхайская организация сотрудничества, членами которой являются как Индия,

так и Пакистан. В настоящее время, как представляется, Россия уделяет приоритетное внимание своим двусторонним отношениям с каждой из этих стран и избегает вмешательства в отношения Дели и Исламабада.

Свои особенности в развитии двусторонних отношений имеет и позиция Пакистана. Хроническая зависимость официального Исламабада от политики Международного валютного фонда (МВФ) ограничивает возможности Исламской республики вдохнуть новую энергию в развитие двусторонних отношений. Так, поставки ВВТ из Пакистана на постсоветское пространство в обмен на «вспомоществование» от МВФ наглядно демонстрируют ограниченность «стратегической автономии» официального Исламабада в формировании независимой от влияния внешних сил модели отношений с Россией. Также значительным препятствием развитию диверсифицированных отношений с Россией является слабое развитие инфраструктуры в Исламской республике, что выпукло проявилось во время переговоров о доставке сырой нефти из России в Пакистан. И всё же наиболее значительным препятствием качественному «облагораживанию» двусторонних отношений является прозападная ориентация пакистанских элит. «В отличие от Китая и Ирана, в Пакистане правящий класс и либеральная интеллигенция «идолизируют» западную модель управления и существования и имеют личный интерес в развитии отношений с коллективным Западом. Поэтому обе эти социальные группы занимают колеблющуюся позицию в противоборстве демократии и авторитаризма, как это идеологическое явление концептуализировал [бывший] президент США Дж. Байден» [Singh, 2024].

Развитие советско-пакистанских и российско-пакистанских отноше-

ний за более чем три четверти века позволяет сделать выводы, которые, как представляется, имеют как научное, так и практическое значение.

1. С самого своего образования Пакистан показал себя как «переменчивый» партнер в отношениях с другими странами. Обещания «объединить мусульманский мир против коммунизма» (то есть против СССР) служат историческим предостережением современной России. Стремление использовать свое выгодное географическое положение без философского и этического обоснования императивов внешнеполитического курса не может не настораживать «проницательного» партнера по переговорам. *Realpolitik* в исполнении Исламской республики порой напоминает внешнеполитические установки некоторых бывших социалистических стран Европы, а также постсоветских территорий. Прошлое и настоящее Пакистана, на наш взгляд, диктует осторожный подход к отношениям России с этой страной.

2. После завершения индо-пакистанской войны 1965 г. и подписания Ташкентской декларации 1966 г. отношения между СССР и Пакистаном получили импульс для развития, особенно в сфере внешнеэкономических связей и культурной дипломатии. Как представляется, взвешенный подход советской дипломатии к отношениям с Пакистаном и сегодня сохраняет свою актуальность.

3. В современном мире «свободной геометрии» международных отношений существует множество возможностей развития межгосударственных связей. При всём прагматизме идеи *Realpolitik* Россия вынуждена учитывать особенности условий формирования концепции внешней политики Пакистана, а именно: зависимость Исламской республики от внешних сил (международных финансовых институтов), «всепогодное

союзничество» с Китайской Народной Республикой, «историческое» соперничество государства Пакистан с важным «всеобъемлющим стратегическим партнером» Россия – Индия, устойчивую ориентацию пакистанских правящих кругов на страны коллективного Запада во главе с США. Надо полагать, что уже само признание Исламской республики дружественным России государством выглядит как значительный шаг в развитии внешнеполитической философии и дипломатической практики нашей страны.

Внимательное отношение к истории внешней политики Пакистана, прежде всего к взаимодействию с такими стратегическими партнерами и союзниками, как Соединённые Штаты Америки и Китайская Народная Республика, позволит российской дипломатии обращать себе во благо «исторические уроки» и выстраивать отношения с Пакистаном на прочной основе национальных интересов и глобальной геополитической перспективы.

Список литературы

- Белокреницкий В.Я. Основные вехи и этапы развития российско-пакистанских отношений // Вестник Института востоковедения РАН. – 2024. – № 1. – С. 175–186. – DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-175-186.
- Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. – Москва : Международные отношения, 2003. – 368 с.
- Володин А. Россия, Индия и пакистано-китайское сотрудничество // Фонд стратегической культуры. – 2012. – 6 июля. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2012/07/06/rossia-india-i-pakistano-kitajskoe-sotrudnichestvo-i.html> (дата обращения: 20.08.2025).
- Замараева Н.А. Китайско-пакистанские отношения: двусторонние и региональные вызовы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXV. Ежегодное издание. – Москва : ИДВ РАН, 2020. – С. 226–242. – DOI: 10.24411/26186888-2020-10014.
- Каменев С.Н. Экономическое сотрудничество России с Пакистаном // Российский внешнеэкономический вестник. – 2006. – № 7. – С. 20–28.
- Комаров Э.Н. В России и в Индии. Из воспоминаний и наблюдений индолога. – Москва : Восточная литература, 1998. – 192 с.
- Симония Н.А. Догоняющее развитие в эпоху глобализма // Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия / отв. ред. А.М. Петров. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2011. – С. 9–27.
- Chatterjee Miller M. How China and Pakistan Forged Close Ties // Council on Foreign Relations. – 2022. – October 3. – URL: <https://www.cfr.org/article/how-china-and-pakistan-forged-close-ties> (дата обращения: 07.04.2025).
- Daulet Singh Z. Powershift. India-China Relations in a Multipolar World. – New Delhi : Macmillan, 2020. – 335 p.
- Haas R.N. USA and South Asia // Strategic Digest. – 1990. – Vol. 20, N 4 (April). – P. 2178–2182.
- Khan M.T.F. Pakistan's Foreign Policy towards Russia // Strategic Studies. – 2019. – Vol. 39, N 3. – P. 89–104. – DOI: 10.53532/ss.039.03.00107.
- Mearsheimer J.J. The Future of American Pacifier // Foreign Affairs. – 2001. – Vol. 80, N 5 (September/October). – P. 46–61.
- Munir T. Relationship Between Afghanistan and Pakistan: Allies or Adversaries? // The Geopolitics. – 2025. – March 5. – URL: <https://thegeopolitics.com/relationship-between-afghanistan-and-pakistan-allies-or-adversaries/> (дата обращения: 27.08.2025).
- Nayar B.R. The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Develop-

ment. – New Delhi : Oxford University Press, 2005. – 301 p.

Raza S.T. United States and Pakistan in the 21st Century. Geostrategy and Geopolitics in South Asia. – London, New York : Routledge, 2021. – 271 p.

Rossi R. Geopolitics of China-Pakistan's Relations // Special Eurasia. – 2025. – June 10. – URL: <https://www.specialeurasia.com/2025/06/10/geopolitics-china-pakistan/> (дата обращения: 04.08.2025).

Singh P. Pakistan-Russia Relations Mark Shifting Sands in South Asia // The Diplomat. – 2024. – December 12. – URL: <https://thediplomat.com/2024/12/pakistan-russia-relations-mark-shifting-sands-in-south-asia/> (дата обращения: 12.07.2025).

Wolmar Ch. Railways & The Raj. How the Age of Steam Transformed India. – London : Atlantic Books, 2017. – 363 p.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.03

Pakistan's Geopolitical Priorities and the “Russia Factor”: History and Modernity

Andrey G. VOLODIN

Chief Researcher, Center for Global South Research

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2025). Pakistan's Geopolitical Priorities and the “Russia Factor”: History and Modernity. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 37–64 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.03

Received: 26.02.2025.

Revised: 21.04.2025.

ACKNOWLEDGMENT. The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant no. 25-28-01479, <https://rscf.ru/project/25-28-01479/>.

ABSTRACT. *The article evaluates the State of Pakistan's geopolitical priorities based on comparative analysis methods. The depth of the degree of diversification of relations with the country's principal allies,*

the United States and China, is compared. It shows how the bilateral relations of the Islamic Republic with the USA and China have developed after 1947. It is noted that the relations of the “notional alliance”

with the United States shaped the foreign policy course of Pakistan from the moment of independence to the events of September 11th, 2001. The author traces the formation of "all-weather alliance" relations between Pakistan and China and highlights their main causes. The article shows how and why China is turning into a pivotal ally of Pakistan. The main trends in the development of Soviet-Pakistani and Russian-Pakistani relations are traced. The restrictive factors hindering the development of bilateral relations are demonstrated. The conclusion is drawn about the need for the guiding influence of the state on the expansion and deepening of the relations between Moscow and Islamabad.

KEYWORDS: Pakistan, the USA, China, Russia, "notional alliance", "China-Pakistan economic corridor", "all-weather alliance", India, Afghanistan.

References

- Belokrenitsky V.Y. (2024). Main milestones and stages in development of Russia-Pakistan relations. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. No. 1, pp. 175–186 (in Russian). DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-175-186.
- Belokrenitsky V.Y., Moskalenko V.N., Shaumyan T.L. (2003). *South Asia in International Politics*. Moscow: Mezhdunarodniye Otnosheniya, 368 pp. (in Russian).
- Chatterjee Miller M. (2022). How China and Pakistan Forged Close Ties. *Council on Foreign Relations*. October 3. Available at: <https://www.cfr.org/article/how-china-and-pakistan-forged-close-ties>, accessed 07.04.2025.
- Daulet Singh Z. (2020). *Powershift. India-China Relations in a Multipolar World*. New Delhi: Macmillan, 335 pp.
- Haas R.N. (1990). USA and South Asia. *Strategic Digest*. Vol. 20, N 4 (April), pp. 2178–2182.
- Kamenev S.N. (2006). Economic co-operation between Russia and Pakistan. *Russian Foreign Economic Journal*. No. 7, pp. 20–28 (in Russian).
- Khan M.T.F. (2019). Pakistan's Foreign Policy towards Russia. *Strategic Studies*. Vol. 39, no. 3, pp. 89–104. DOI: 10.53532/ss.039.03.00107.
- Komarov E.N. (1998). *In Russia and India. From the Memories and Observations of an Indologist*. Moscow: Vostochnaya literatura, 192 pp. (in Russian).
- Mearsheimer J.J. (2001). The Future of American Pacifier. *Foreign Affairs*. Vol. 80, no. 5 (September/October), pp. 46–61.
- Munir T. (2025). Relationship Between Afghanistan and Pakistan: Allies or Adversaries? *The Geopolitics*. March 5. Available at: <https://thegeopolitics.com/relationship-between-afghanistan-and-pakistan-allies-or-adversaries/>, accessed 27.08.2025.
- Nayar B.R. (2005). *The Geopolitics of Globalization. The Consequences for Development*. New Delhi: Oxford University Press, 301 pp.
- Raza S.T. (2021). *United States and Pakistan in the 21st Century. Geostrategy and Geopolitics in South Asia*. London, New York: Routledge, 271 pp.
- Rossi R. (2025). Geopolitics of China-Pakistan's Relations. *Special Eurasia*. June 10, available at: <https://www.special-eurasia.com/2025/06/10/geopolitics-china-pakistan/>, accessed 04.08.2025.
- Simoniya N.A. (2011). Catch-up Development in the Era of Globalization. In: Petrov A.M. (ed.). *"Catch-up Development" and What It Is Catching Up With*. Moscow: Institute of Oriental Studies, pp. 9–27 (in Russian).
- Singh P. (2024). Pakistan-Russia Relations Mark Shifting Sands in South Asia. *The Diplomat*. December 12. Available at: <https://thediplomat.com/2024/12/pakistan-russia-relations-mark-shifting-sands-in-south-asia/>, accessed 12.07.2025.
- Volodin A. (2012). Russia, India and Pakistan-China Cooperation. *Fund of*

Strategic Culture. July 6 (in Russian). Available at: <https://www.fondsk.ru/news/2012/07/06/rossia-india-i-pakistano-kitajskoe-sotrudnichestvo-i.html>, accessed 20.08.2025.

Wolmar Ch. (2017). *Railways & The Raj. How the Age of Steam Transformed India*. London: Atlantic Books, 363 pp.

Zamaraeva N.A. (2020). China – Pakistan Relations: Bilateral and Regional Challenges. In: *China in World and Regional Politics. History and Modernity. Yearbook*. Issue 25. Moscow: Institute of Far Eastern Studies, pp. 226–242 (in Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10014.